

Камми Лейн

Урок не по расписанию

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Камми Лейн

Урок не по расписанию

<https://litres.ru/73145903>

SelfPub; 2026

Аннотация

Олеся третьекурсница педагогического, которая наконец-то вырвалась из кошмарного общежития и верит, что впереди только лучшее. В свои девятнадцать она, как многие студенты, привыкла считать каждую копейку.

Марк 27-летний бизнесмен, привыкший просчитывать всё: сделки, риски, людей. Он не задумывается о ценах и знает: у любой проблемы есть решение.

Их миры сталкиваются в обычном торговом центре, когда случайная сцена превращается в публичное унижение. Олеся оказывается в центре скандала, а Марк рядом с женщиной, чьё поведение выходит за все рамки.

Он пытается загладить вину и получает деньгами в лицо.

Чем обернется эта встреча для обоих?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	48

Камми Лейн

Урок не по расписанию

Глава 1

Олеся

Август. Последние деньки, пропахшие яблоками с нашего огорода и теплым ветром, пролетели со скоростью света. И снова это разрывающее душу чувство прощания. Оно началось еще неделю назад со сбора вещей, тетрадей, провизии и прочих нужностей для самостоятельной жизни. А закончилось сегодня днем на вокзале. Отец молча проверял замки на сумках перед сдачей в багаж, его крупные, неуклюжие пальцы деликатно ощупывали каждую застежку. Папа всегда очень заботливо ко мне относился, особенно когда я была маленькой. А когда повзрослела, стал как-то стесняться, что ли, проявления своих чувств. Но слова не нужны, чтобы показывать заботу и любовь, это все видно в отношении, в поступках. Он всегда давал мне понять – я самое ценное, что есть у них с мамой. Кстати, о маме... Она, сжав губы, запихивала в мой рюкзак пачку влажных салфеток: «Пригодятся!» Мама всегда такая, как и папа, хочет оградить меня

от всего плохого и дать мне самое лучшее, в меру своих возможностей. Их забота всегда укутывает меня, будто пуховое одеяло зимой.

Когда прозвучало «К посадке», мама, не выдержав, прижала меня к себе так сильно, насколько это вообще возможно. Она плакала, я уже тоже начала всхлипывать, будто мы прощаемся на год, а не на месяц. Но мне всегда было тяжело расставаться с родными, с тем уютом, которым они меня окружают. Я очень привязана к ним. Папа был более сдержан, но в его глазах тоже промелькнула грусть и тревога. «Пиши, хоть смской, где едешь», — хрипло сказал отец, хлопав по плечу, и быстро отвернулся, делая вид, что рассматривает расписание. Я зашла в автобус, ощущая на спине их объединенный взгляд — тяжелый, теплый, неотпускающий. Села у окна и помахала им, одновременно вытирая катившееся по щекам слезинки.

За окном проплывают знакомые до боли пейзажи: темнеющие ельники, вспыхивающие желтые пятна берез, хмурое небо, готовое вот-вот разрыдаться. Дорога из дома до общежития занимает почти семь часов на автобусе, поэтому в учебное время мне удастся бывать дома нечасто. Потому-то в этот раз сумки загружены по полной программе: овощи, варенья, закрутки — чтобы частичка дома была на моем столе, да и чтобы в магазине лишнего не покупать. От автовокзала придется вызывать такси, на автобусе с этим грузом мне не справиться, а ждать помощи неоткуда. Но как говорится:

своя ноша не тянет. Итак многое пришлось выложить, потому что уже было неподъемно, и папа стал переживать, не надорву ли я спину.

А вообще, это лето было подарком. За два месяца я выдохнула и вспомнила, что значит жить и получать от этого удовольствие. Я завтракала, когда просыпалась, а не когда выдавалась минута между парой и подработкой. Спала по десять часов, просыпалась от пения птиц, а не от звона будильника. Кожа загорела, в глазах снова появился свет, а мысли перестали метаться, как перепуганные мыши. Родители оберегали меня как могли, лишний раз даже не просили выходить в огород, но меня и просить не нужно. Я прекрасно осознаю, что без этого никуда, и с детства меня приучили копать в грядках, поэтому я не отлынивала. За летние труды и старания огород наградил нас хорошим урожаем, особенно порадовали мои любимые красные помидорчики.

Пока я предавалась летним воспоминаниям, автобус потихоньку вез меня в полную приключений студенческую жизнь. А я тем временем поддалась меланхолии и включила грустные песни, но скоро музыку придется выключить – нужно беречь заряд на телефоне. Мне еще такси вызывать. Батарея на телефоне совсем сдала, нужно срочно купить powerbank, чтобы не остаться без связи в самый неподходящий момент. Новый телефон я себе позволить сейчас не могу, потому что планировала обновить гардероб: в этом году у нас много практики, и выглядеть нужно соответственно.

Я же будущий учитель! Да и верхнюю одежду тоже нужно купить. Я посмотрела на свои потертые джинсы и просторную, когда-то мамину, кофту — наряд для семичасовой дороги. А в голове уже висел образ: туфли-лодочки и строгое элегантное платье-футляр черного цвета, в котором я веду урок на практике. Ведь, как мы все знаем, встречают по одежке, а ум и способности при первом впечатлении могут отойти на второй план.

Начинается новый учебный год. Третий год по счету. Уже не зеленая первокурсница, но еще и не уверенная в себе старшекурсница. Учусь я неплохо, даже отлично. Преподаватели меня любят, и мне кажется, что зачетка начала работать на меня уже со второй сессии, принося не только знания, но и повышенную академическую стипендию. Эти деньги — моя тонкая ниточка к независимости, возможность хоть капельку разгрузить родителей. Они оба работают: папа водитель автобуса, мама трудится на почте. Зарплаты небольшие, и я не могу вечно сидеть на их шее.

Именно поэтому я иду на риск. В этом году я сбегая. Сбегаю из нашей каморки на четверых в другое общежитие, на тот самый «этаж повышенной комфортности». Звучит солидно, не правда ли? На деле же — просто комната на двоих и заветная стиральная машинка на этаже. Но за эту роскошь придется платить — в прямом смысле. Оплата там значительно выше, чем была ранее. Но если не буду справляться, найду подработку, только не в круглосуточный фастфуд, как

в прошлый раз, где от запаха фритюра тошнило даже во сне. Может повезет с вакансией в библиотеке или репетиторство какое-то найду. Я еще не дипломированный специалист, но некоторые девочки с курса уже занимаются репетиторством, просто берут оплату меньше.

Прошлые два года были похожи на выживание. Мы жили вчетвером, меня на 1 курсе подселили к девочкам с другого факультета со 2 курса, и это существование было невыносимо сложно пережить, особенно когда пары начинались у всех в разное время. Помню, как одевалась в шесть утра при свете телефона, замирая от каждого шороха, лишь бы не разбудить соседок. А они... они были из другого теста. Шумные, веселые, их жизнь состояла из посиделок с ребятами с физфака, от которых пахло потом и мужским одеколоном. Их смех был чужим, их дружба — закрытым клубом. Я чувствовала себя не в своей тарелке. Теперь все будет иначе. Со мной будет Таня, моя одногруппница. Мы на одной волне — молча понимающей, поддерживающей. Я надеюсь, что оставшиеся два года учебы пройдут отлично. Возможно, у меня начнется не просто учеба, а настоящая, взрослая жизнь. И я готова в нее шагнуть.

За окном поплыли первые огни большого города. Он встретил меня осенней промозглостью. Холодный дождь, который, кажется, будет идти вечно. Отопление в общеаге включают еще не скоро, и снова придется мерзнуть. А значит, велик риск снова слечь с циститом или ангиной... Я даже не

помню, сколько раз болела в прошлом году.

Такси довезло меня до знакомого кирпичного здания. На часах — 22:15. А выехала я из дома в два... Дико хочу есть и принять душ, но сначала нужно разобрать вещи. А для этого — совершить подвиг: две сумки, рюкзак и пакет нужно дотащить на 5 этаж.

Первая лестничная клетка далась легко. На второй спина начала подавать первые сигналы. К третьему этажу я превратилась в запыхавшегося вьючного ослика. Ремни сумок впивались в плечи, пальцы немели от тяжести. Я останавливалась на каждой площадке, дышала и снова шла, бормоча себе под нос считалку из детства. Это был мой личный ритуал посвящения. Нести всё самой — значит по-настоящему начинать эту новую, «взрослую» жизнь. Когда ключ наконец щёлкнул в замке комнаты 512, я буквально ввалилась внутрь, сбросив груз с тихим стоном облегчения. Мышцы ног и спины ныли приятной, заслуженной усталостью, как после долгой прогулки. Тело, еще помнящее летнее расслабление, сдавалось под тяжестью нового этапа. Первая победа года была одержана. Пусть и такая нелепая.

Комната, кстати, оказалась довольно неплохой. Большое окно посередине, две кровати по бокам, два письменных стола и шкаф для одежды. В принципе, все, что нужно для жизни — базовый минимум. Слава богу, есть холодильник. Общая кухня совсем рядом, а не в другом конце коридора, и туалет с душем на этаже. В прошлом общежитии душ нахо-

дился в подвале, и там всегда были длинные очереди. Я провела рукой по прохладной поверхности стола — пыль. Значит, прибратся все же придется сегодня.

Не успела я погрузиться в размышления, как зазвонил телефон. Мама.

— Олеся, как добралась? Все нормально?

— Все хорошо, мам.

— Как комната? Таня уже тоже приехала?

— Таня придет завтра днем. Комната отличная. Сейчас приберусь немного, чтобы можно было лечь спать, очень устала с дороги.

— Ты взяла с собой ночник?

— Вроде собирала, — сказала я, хотя точно помнила, что не положила с собой. Но маму не буду волновать лишний раз.

— Долго не работай, завтра все вместе сделаете, — с грустью в голосе сказала мама.

— Мама, я вас очень люблю и уже очень скучаю, — с комком в горле произнесла я, готовая разреветься.

— И мы тебя очень любим, дочка, — почти перешла на шепот мама. И я почувствовала, что она тоже уже на грани.

— Спокойной ночи, завтра созвонимся, — сказала я и положила трубку, дав волю слезам.

Слезы постепенно иссякли, оставив после себя легкую, смиренную пустоту. Я быстро протерла пыль, застелила кровать, немного даже разобрала вещи. Переодевшись в розо-

вую пижаму, залезла под одеяло. Постельное белье пахло домом, и я утонула лицом в подушке и заснула без сил.

Глава 2

Олеся

«Ну что, новоселье?», - танин громкий голос разбудил меня с утра. Я сразу подскочила с кровати и так удивилась, что чуть не заплакала от неожиданности. Она писала мне, что приедет только днем! А сама уже стояла на пороге и хитро улыбалась мне. Мы обнялись, как будто не виделись годы, а не пару месяцев. Быстренько переодевшись, я помогла ей донести сумки до нашего этажа, у нее их оказалось даже больше моих. Я поражалась ее утренней продуктивности, потому что она настояла на незамедлительной уборке. Ну, и, естественно, мы с энтузиазмом за нее принялись, ведь вчера вечером я успела только протереть кое-где пыль. Таня, всегда практичная, привезла с собой целый арсенал чистящих средств, тряпок и даже пару старых, но чистых футболок «для грязной работы». Мы вытерли пыль со всех поверхностей, вымыли окно, чтобы впустить больше света, отдраили пол. Комната пахла свежестью и чистящими средствами. Так и прошел наш первый день, потому что спать мы легли далеко за полночь, как только разложили последние вещи по местам. Абсолютно без сил, но счастливые.

На следующее утро, несмотря на хмурую погоду, мы отправились в строительный гипермаркет на окраине города. Родители, зная о моих планах на ремонт, сунули мне в дорогу конверт. «На обустройство, дочка, — сказала мама. — Чтобы тебе там хорошо было». В конверте было десять тысяч — для них огромная сумма, сэкономленная, наверное, на чем-то важном. Я скрывала от родителей, что мне приходилось нелегко те 2 года, даже не знаю почему, ведь я очень близка с ними. Наверное, не хотела их расстраивать. Но в конце 2 курса я открылась родителям, они впервые за много лет отругали меня, что скрывала от них и, конечно, поддержали меня с решением переехать в коммерческое общежитие. Знаю, они бы поддержали меня сразу, если бы я все сказала, но я надеялась, что что-то изменится, и я смогу ужиться там и не доставлю никому хлопот и переживаний. Не хотела навешивать на них дополнительные расходы, а большой стипендии, чтобы оплачивать жилье самостоятельно на первых курсах у меня не было. Но получилось, как получилось.

Стоя у стеллажей с обоями, мы перебрали с десятков вариантов: от строгих полосок до невообразимых цветочных орнаментов, от которых рябило в глазах. В итоге, после получаса споров и смеха, сошлись на уютном, мягком цвете — теплом сливочно-бежевом, который напоминал мне домашнее песочное печенье. «Этот цвет будет сочетаться с любым текстилем и не будет давить на психику», — с серьезностью дизайнера заявила Таня, и я с ней полностью согласилась. Так

мы с Таней успели сделать мини-ремонт и переклеили обои в нашем новом жилище. Весь процесс занял два дня: мы отклеивали старые, пожелтевшие обои, смешно корчась от их сопротивления, замазывали швы, а потом, под треск радио и наши дурацкие песни, наносили клей и осторожно разглаживали новые полотна, чтобы не было пузырей. Теперь стало очень уютно и по-девчачьи. Я ловила себя на мысли, как мне нравится это новое пространство. Не просто комната, а наше с Таней гнездышко. Каждая вещь здесь была на своем месте по нашему общему решению. Вечерний свет от настольной лампы мягко ложился на новые обои, а утреннее солнце не проникало через плотные шторы. В эту комнату, в этот уголок, мне хотелось возвращаться.

Все время до начала учебных будней мы ложились спать далеко за полночь, потому что не могли наговориться: без умолку болтали, преображая нашу комнату, и делились впечатлениями о лете, будто наверстывая упущенные месяцы. Я так соскучилась по Тане, да и она, кажется, тоже. Мне безумно повезло, что у меня есть она. Она тоже приезжая, и здесь у нее нет родственников, поэтому мы обе рады, что есть друг у друга. Мы с первого курса одна команда: соседки по парте, сообщницы по домашкам и надежный тыл друг для друга.

Сегодня, наконец, выглянуло солнце. Несмотря на то, что календарь хмуро объявлял о первом дне сентября, расписание смилостивилось над нами — всего две пары. Правда, по неумолимому закону подлости, они начинались с восьми

утра. Кто эти бессердечные люди, которые придумали вставать в такую рань? Мой внутренний график всегда был настроен на ночь: я готова была пахать до рассвета, но утро для меня — священное время для сна. А если честно, я в принципе обожаю спать. Сон — это моя личная подзарядка, источник жизненных сил. В выходные я могла дневать и ночевать в кровати, но теперь до следующих долгих каникул об этом можно было только мечтать. Впереди был целый учебный год, где на сон придется лишь выкраивать жалкие минуты.

Первый день в университете прошел как в легком тумане. Было странно снова слышать гул голосов в коридорах, скрип мела (да-да, в нашей альма-матер еще пользуются досками), запах старых книг из библиотеки. Преподаватели, многие из которых нас помнили, встречали кивками и слегка усталыми улыбками. Пары были вводными: нам рассказывали о предстоящем семестре, нагрузке, практике. Я ловила себя на том, что слушаю уже не с тревогой первокурсницы, а с практическим интересом: «А как лучше организовать время?», «Где взять материалы?». Это было новое чувство — не пассивного принятия, а активного планирования. После пар мы с Таней вышли из корпуса, щурясь на внезапно появившееся солнце. «Ну что, выжили?» — спросила она. «Пока держимся», — улыбнулась я в ответ. Это было хорошее, спокойное начало.

— Все, хватит университета на сегодня! — сказала Та-

ня, закрывая ежедневник после сверки расписания.— Полностью с тобой согласна! Хотя я удивлена, что нам вlepили не четыре пары. Таня посмеялась. Редкость, когда у нас было меньше четырех пар; иногда мы учились даже по субботам с восьми до трех.— Ну что, пойдём отметим экватор? — предложила Таня, уже натягивая куртку.

Я хотела возразить, но она уже потащила меня в кондитерскую недалеко от нашего корпуса. Кстати, огромный плюс нашего нового общежития в том, что оно находится рядом со всеми учебными корпусами, и до них можно дойти пешком буквально за десять минут. Всего десять минут неспешной прогулки — и ты на месте. Вспомнились мучительные часовые поездки в переполненном трамвае из старой общаги, и на душе стало светло и спокойно.

Аромат свежей выпечки и кофе встретил нас с распростертыми объятиями.— Мне капучино и кусочек «Праги», — не раздумывая, заказала Таня.— Мне, пожалуйста, латте и морковный торт, — сказала я, откладывая меню в сторону. «Шиковать нельзя», — строго напомнила я себе. Но позволить себе маленький десерт в честь праздника — это было можно. Это было необходимо.— Ты уже видела, какие пары в этом семестре? Педагогика, методика, спецкурс по детской психологии... Все такое... взрослое...— Ахахах, Таня, ну так мы и сами уже не маленькие. Как, кстати, у тебя дела с Лешей?— Да нормально, — она застенчиво улыбнулась. — Завтра увижусь с ним. Приехал два дня назад. Соскучилась,

конечно, безумно, но он на каникулах приезжал, так что не так грустно. Классно тогда отдохнули.— Я рада за вас. Он в этом году заканчивает?— Да, и хочет остаться здесь.— Обещай, что не сбежишь от меня к нему на съемную! — попросила я с наигранной суровостью.— Олеська, он сам еще этот год живет в общежитии. Так что расслабься, — она хитро подмигнула. — А вдруг это ты от меня сбежишь к какому-нибудь жениху? А?— Ты где-то видела у меня жениха? — искренне удивилась я. У меня не то, что на горизонте никого не было, я даже в мыслях себе не представляла, что у меня будут отношения с парнем. Я максимально хотела посвятить себя учебе, чтобы добиться успеха в жизни.

Пока мы перебрали все свежие сплетни, официант уже поставил перед нами чашки с дымящимся кофе и заветные кусочки торта. Я, если честно, не фанат кофе, душа больше лежит к разному чаю, но иногда можно и отойти от привычного.— Кстати, тебя куда распределили на практику? — спросила Таня.— В гимназию №1, — у меня само собой расплылось лицо в счастливой улыбке. — В ту самую, где я была на ознакомительной.— О, повезло! Тебя же там в прошлый раз нахваливали?— Да, — я почувствовала, как по щекам разливается румянец. — Методист, Ирина Викторовна, сказала, что у меня «хороший контакт с детьми и врожденное педагогическое чутье». Это, конечно, громко сказано, но... приятно. И спокойнее, когда знаешь место и коллектив.— Супер! А меня распределили в школу рядом с «Колизеем». Девчон-

ки с третьего курса говорили, что там классно все оборудовано. Я туда и надеялась попасть.— Это же замечательно! — обрадовалась я за подругу. — Я про нее слышала — она считается самой передовой в городе по оснащению.— Уже не терпится выйти на практику, — Таня философски вздохнула и отломил кусок торта. — Нужно блеснуть не только знаниями, но и внешним видом. Может, завтра после пар по ТЦ-шкам погуляем?— Да, отличная идея. Мне тоже кое-что нужно прикупить, — я согласно кивнула, и мой взгляд стал более пристальным, внутренним. Летом я не тратила стипендию, и теперь в загорелом лежало около двадцати пяти тысяч. Сумма казалась внушительной, но ее предстояло растянуть и на одежду, и на жизнь до конца месяца. Десять тысяч от родителей уже ушли на обустройство комнаты и покупку мелочей для проживания. Деньги таяли с пугающей скоростью.— Что ж, — Таня с торжественным видом подняла свою чашку, словно это бокал дорогого шампанского. — Предлагаю тост! За новый учебный год, за нашу головокружительную практику и за стратегический шопинг завтра!— Согласна. Пора обновляться.

Я отломил вилок кусочек морковного торта. Нежный крем-чиз таял на языке, даря простое, но такое сладкое и важное ощущение праздника. Впереди маячили горы конспектов, бессонные ночи, вечная гонка между парами и практикой и неизменная нехватка денег. Но здесь и сейчас, за чашкой согревающего латте с лучшей подругой, под лас-

ковыми лучами сентябрьского солнца, я вдруг почувствовала не страх, а странное, тихое облегчение. Возможно, это облегчение от того, что самое трудное — расставание с домом и переезд — уже позади. От того, что рядом есть надежный человек. От того, что есть своя, пусть и скромная, но своя крепость, в которой мне комфортно.

Глава 3

Олеся

Учебная неделя пролетела на удивление быстро, и выходные приблизились раньше, чем я могла себе представить. Сегодняшнее утро было самой настоящей роскошью — я не просто выспалась, я отоспалась за всю предыдущую неделю, встала с постели с ощущением, что силы ко мне вернулись, а впереди целых два дня, которые принадлежат только мне.

Таня, сияя как новогодняя елка, с утра объявила, что у них с Лешей грандиозные планы на все выходные. Я была искренне за нее рада, но в уголке души шевельнулась маленькая, серая мышка одиночества. Чтобы заглушить ее, я решила прогуляться и по пути заскочить в магазин.

На неделе мы с Таней, как и планировали, совершили стратегический набег на торговые центры. Нам сказочно повезло попасть на распродажи. В моем арсенале появились осенние сапожки на удобном каблучке, плащ, а также благодаря безупречному вкусу Танюши — потрясная коричневая юбка и белый лонгслив. Она умеет выбирать красивые вещи, и я, честно говоря, пользуюсь ее услугами стилиста. Именно она, подмигивая, уговорила меня примерить вязаное платье

нежного василькового оттенка. «Оно твоё! — сказала она, заходя в примерочную. — Смотри, как цвет к твоим глазам подходит!». И была права. Базовый гардероб для будущего педагога был сформирован.

Я неспешно гуляла по парку, мимо проходили мамочки с детьми и парочки, держащиеся за руки. Свежий воздух пах влажной землей и опавшей листвой. Нашла свободную скамейку под старым кленом, достала из сумки томик Брэдбери «Вино из одуванчиков», мамин подарок на последний день рождения. Я погрузилась в чтение, и на какое-то время мир сузился до шелеста страниц, теплой потертости обложки и солнечных зайчиков, пробивающихся сквозь кружево листьев.

Погода была самой что ни на есть осенней — тихой, прохладной и облачной, в пестрящей желто-оранжевой цветовой гамме. Ветра не было, а солнце выглядывало из-за облаков и припекало в эти моменты. Такая погода всегда навевала на меня легкую, светлую грусть. Вообще, осень — мое любимое время года. Вернее, было. Но вот уже третий год подряд осень прочно ассоциируется с тоской по дому, с горьковатым привкусом отъезда и чувством легкого страха перед большим городом.

Я шла, глядя на золотящиеся листья, и мысли сами собой неслись в привычном направлении. Я всегда понимала, что учиться необходимо, что это мой шанс, мой билет в другую, обеспеченную жизнь. Мои родители... Мама работала

на почте, где каждый день — это очередь и горы посылок. Папа, водитель автобуса, и ему нужно в любую погоду, в пять утра, уже быть на маршруте. Их труд — настоящий, титанический, а оплачивается небольшими деньгами. Я с детства видела их усталость, их заботу и их бесконечную веру в меня. Они никогда не жаловались. Вечерами мама, уставшая, все равно находила силы проверить мои уроки, а папа, вернувшись с рейса, мог молча погладить меня по голове — и это значило больше любых слов. Их жизнь была четким, понятным графиком: работа, дом, забота обо мне. Они отказывали себе во многом, чтобы у меня были хорошие тетради, красивое платье на выпускной, этот самый телефон. Я была центром их вселенной, и эта мысль одновременно согревала меня и возлагала на мои плечи незримую, огромную ответственность. Поэтому я еще в школе дала себе твердое слово: я должна стать успешной. Я обязана обеспечить им спокойную, достойную старость, чтобы они, наконец, смогли отдохнуть, ведь они всю жизнь старались и работали ради моего будущего.

От этих мыслей на душе стало и тепло, и очень тяжело. Тоска сжала горло, и я, почти не глядя, набрала мамин номер.

— Привет, мамуля! Как твои дела? — старалась говорить бодро.

— Олесенька, родная! А я как раз собиралась тебе звонить! — ее голос, такой родной и мягкий, мгновенно разо-

гнал тучи над моей душой.

— У тебя сегодня выходной?

— Да, и у папы тоже. Мы с утра ходили за грибами! Набрали белых и рыжиков, твоих любимых. Вот как раз мариновую для тебя по маленьким баночкам, чтобы ты с собой взяла в следующий раз.

— Ооо, как здорово, спасибо! Вы опять ни свет ни заря ходили в лес?

— Конечно! А ты, дай угадаю, до обеда проспала? — в ее голосе зазвенела привычная, любящая насмешка.

— Ахахах, мам, ну ты меня насквозь видишь! — рассмеялась я. — Да, спала. Целая неделя подъемов в семь утра — это же издевательство над организмом. Зато теперь могу позволить себе понежиться в кровати подольше — до корпуса рукой подать.

— Молодец ты моя. А чего у тебя там за шум на фоне?

— Я на улице. Немного прогулялась в парке, и мне нужно кое-что по мелочи докупить к учебе.

— Деньги у тебя есть? — в голосе мамы тут же появилась знакомая тревожная нотка.

— Да, мам, хватит до стипендии. Мы с Таней основное уже купили.

— Папе в следующем месяце премию пообещали, так что за зимнюю одежду не переживай, купим.

— Спасибо вам большое... Я вас очень люблю.

— И мы тебя, дочка. Только смотри, не загуляйся допозд-

на, а то мало ли что.

— Ма-аам, — протянула я с легким упреком, — у меня голова на плечах есть, ты же знаешь.

— Знаю, знаю! Ладно, вечером позвоню, перед сном. Отдыхай, родная.

Как всегда, после разговора с мамой на душе наступило умиротворение и легкое, щемящее чувство вины. Вроде она ничего такого не говорит, но после общения с ней я чувствую прилив сил и тепла.

За разговором я не заметила, как дошла до нужного торгового центра. Он был огромным и многолюдным, с блестящими полами и навязчивой фоновой музыкой. Я прошла мимо витрин, и тут мое сердце дрогнуло. На одной из вешалок висело Платье. Именно так, с большой буквы. Молочного цвета, с мелкими перламутровыми пуговицами, с завышенной талией, закрытыми рукавами и юбкой до середины икры. Модель «ампир». Примерив его, я поняла — это та самая любовь с первого взгляда, о которой пишут в романах. Облегающий лиф подчеркивал фигуру, а мягко расклешенная юбка струилась плавными складками. Оно было идеальным для практики — строгим, но в то же время женственным. Без лишних раздумий я понесла его на кассу. «Все, — мысленно поставила я себе ультиматум, — теперь только подзарядник, и бегом домой. Никаких тебе кафешек, никаких лишних взглядов на витрины».

В отделе техники меня встретил приятный молодой кон-

сультант. Я объяснила, что мне нужно недорогое, но емкое зарядное устройство. Он показал несколько вариантов. Мой бюджет диктовал скромный выбор. В руках я вертела устройство неизвестного производителя, но с внушительной батареей на 20000 mAh. Парень заверил меня, что оно ничуть не хуже раскрученных брендов, а в качестве бонуса в нем был встроенный фонарик — полезная мелочь, учитывая, что скоро темнеть будет рано, а я до одури боюсь темных переулков.

— С вас 1490 рублей, — озвучил кассир. — Оплата наличными или картой?

— Картой, — с вежливой улыбкой ответила я, доставая телефон. Я расплачивалась телефоном, не люблю носить кошелек и пластиковую карту, потому что каким-то необычным образом карточки теряются, а к кошелеку я привыкнуть не могу.

И в этот самый момент, словно исчерпав лимит моего везения на сегодня, заряд моего телефона бесславно испустил дух. Экран погас, не реагируя на мои панические нажатия.

— Извините, — проговорила я, чувствуя, как по щекам разливается предательский румянец, — телефон, кажется, сел... Сейчас, я поищу наличные.

— Ничего страшного, бывает, — с пониманием кивнул консультант. — Можете оплатить наличными.

Я начала лихорадочно рыться в сумке. Я же точно помнила, что положила на черный день полторы тысячи в отдель-

ный кармашек! Но, как назло, купюры будто сквозь землю провалились. Я перебирала содержимое сумки: ключи, блокнот, ручка, пачка салфеток, косметичка...

— Как таких нищенок вообще пускают в приличные магазины? Стоит, клушей, копается в своем хламе! — раздался сзади ядовитый, высокий голос.

— Кристина, немедленно замолчи! Это неприлично! — тут же одернул ее мужской баритон, низкий и спокойный.

Я обернулась. Передо мной была картина с обложки глянцевого журнала: высокая, ухоженная блондинка в платье и кардигане красного цвета, от которой так и веяло холодной дороговизной. Да, с ее высоты я, наверное, и правда была той самой «нищенкой», застрявшей у кассы без денег.

— Чего уставилась? — резко бросила она мне, сверкнув холодными глазами. — Денег нет — проваливай!

У меня буквально отвисла челюсть. В моей небогатой, но абсолютно интеллигентной семье, где главными ценностями были уважение и труд, такое откровенное хамство было немислимо. Оскорблять незнакомых людей... у нас это в принципе не умели. Я по характеру не была плаксой, но сейчас просто опешила от неожиданности и не знала, как реагировать на подобную грубость. Все произошло слишком быстро.

— Я... прошу прощения, — прошептала я, обращаясь к консультанту и чувствуя, как к горлу подкатывает горячий, несправедливый ком обидных слез. — Я, кажется... не мо-

гу... можете отменить покупку?

— Конечно, без проблем, — кивнул он, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Спасибо... Еще раз извините.

Я отвернулась от кассы, и в тот же миг блондинка грубо толкнула меня плечом, проходя вперед. На ватных ногах я доплелась до ближайшей лавочки в центре зала, достала бутылку с водой (слава богу, я всегда ношу ее с собой) и сделала несколько глотков, пытаюсь унять дрожь в руках и удушающий ком в горле. И тут же, по неумолимому закону подлости, мои пальцы наткнулись на деньги в самом дальнем кармашке сумки. Те самые полторы тысячи. Они лежали там, на самом видном месте, просто я в панике проверяла все остальные отделы. Нервы мои не выдержали, и по лицу, вопреки моей воле, потекли предательские, горькие слезы. Я сидела, уставившись в пол, и чувствовала себя абсолютно раздавленной этой дурацкой, унижительной ситуацией.

Но постепенно сквозь обиду начала пробиваться другая мысль. Эта девушка, Кристина, не знает обо мне ровным счетом ничего. Ее слова — это не оценка меня как личности, а лишь отражение ее собственной ограниченности и плохого воспитания. Она публично унизила в первую очередь саму себя, показав всем, на что она способна. А я... я просто оказалась не в том месте и не в то время. И мои слезы сейчас — это реакция на стресс, а не признак поражения.

— Простите... Это ваше?

Я не сразу поняла, что обращаются ко мне. Голос прозвучал где-то рядом, но я не поднимала головы.

— Девушка, простите, это ваше? — голос прозвучал ближе, настойчивее.

Я вытерла слезы тыльной стороной ладони и подняла взгляд. Передо мной стоял тот самый мужчина, что был с блондинкой. В его протянутой руке лежали мои наушники — проводные наушники рубинового цвета, они шли в комплекте с телефоном, и я их очень берегла.

— Да... мое, — я с трудом выдавила из себя, вставая и забирая их. — Должно быть, выпали, когда я в сумке копала... Спасибо вам.

По всему телу пробежала мелкая, нервная дрожь — дикая смесь стыда, унижения и злости за саму себя. Эта нелепая история выбила из меня весь дух. Чуть не потеряла наушники... Развернувшись, я быстро пошла прочь, к выходу, желая только одного — поскорее оказаться дома.

— Возьмите.

Я обернулась. Он догнал меня и снова стоял рядом, держа в руках тот самый подзарядник, который пять минут назад был почти моим.

— Вы за кого меня принимаете? — вырвалось у меня, и голос дрогнул от нахлынувших эмоций. — Мне не нужна ваша благотворительность!

— Я приношу свои извинения за... за ту девушку, — его тон был поразительно ровным и спокойным, что контрасти-

ровало с моей взвинченностью. — Она не имела права так с вами разговаривать.

— Это ничего не меняет! — отрезала я. — Я не возьму эту вещь.

— Но она мне тоже не нужна, — парировал он.

— Зачем вы ее тогда купили? — в глазах у меня потемнело от возмущения.

— Для вас, — произнес он так же просто и уверенно, как если бы говорил о погоде.

От этих двух слов у меня по спине побежали противные, колючие мурашки. Это было уже слишком. Я молча, почти механически, открыла сумку, нащупала деньги и протянула ему.

— Возьмите, — сказала я, глядя ему прямо в глаза.

— Что это? — на его лице смешались неподдельное удивление и легкое недоумение.

— Деньги, — отчеканила я, и его брови поползли вверх.

— Но мне не нужны ваши деньги, — он чуть ухмыльнулся, и в его взгляде мелькнуло что-то игривое и насмешливое.

— Тогда и мне не нужна ваша подзарядка, — отрезала я, вкладывая в свой голос всю оставшуюся твердость.

Мы стояли несколько секунд, словно в ступоре, глядя друг на друга. В его глазах — карих, внимательных — читалось не столько раздражение, сколько любопытство, будто он столкнулся с редким и необъяснимым явлением. А я чувствовала, как дрожь внутри понемногу сменяется ледяным спокой-

ствием. Гордость, воспитанная родителями, оказалась сильнее унижения.

Не сказав больше ни слова, я развернулась и на этот раз пошла прочь не спеша, с прямой спиной, зажав в кармане свои спасенные и вновь ставшие ненужными деньги. Я чувствовала его взгляд на своей спине, и это придавало мне странной уверенности. Дверь торгового центра закрылась за мной, и я вышла на улицу, где светило мягкое осеннее солнце.

Глава 4

Марк

Субботнее утро началось с привычного, почти медитативного маршрута по широкой трассе, ведущей из шумного центра в живописный лесной массив, где поселились мои родители. Я переехал от них четыре года назад, купив просторную квартиру с видом на реку, но они, кажется, до сих пор в глубине души надеялись, что это просто такая затянувшаяся командировка сына. Впрочем, наши субботние завтраки стали тем немногим ритуалом, который я сам ценил куда больше, чем готов был в этом признаться. С отцом мы пересекались почти ежедневно в офисе, а вот неспешные утренние часы с мамой были для меня отдушиной, возвращением к истокам.

Этот дом, больше похожий на просторное родовое гнездо, был моим настоящим якорем. Он стоял на пригорке, окруженный соснами, и с его террасы в ясную погоду была видна извилистая лента реки. Здесь время текло иначе — медленнее, осмысленнее. Он давно превратился в неформальный штаб нашей семьи. Сюда съезжались на все праздники родственники, здесь собирались мы с друзьями, а летом под

открытым небом устраивались масштабные пикники. Здесь всегда пахнет либо пирогами, либо костром, а в гараже до сих пор стоит мой первый горный велосипед.

Когда-то, когда я был еще угловатым подростком, родители выделили мне целый этаж, который позволили обустроить по своему вкусу. Стены тогда были завешаны постерами, а на столе вечно царил творческий хаос из чертежей и деталей от компьютера. Потом на полках стали появляться трофеи со школьных олимпиад, соревнований. Конечно, когда подростковый максимализм был пройден, мы сделали ремонт, но что-то осталось в изначальном виде. И родители не стали ничего менять после моего отъезда. В этой вещественной неизменности читалось их молчаливое понимание и безусловная любовь. Это место беззвучно напоминало мне, кто я есть на самом деле вне глянцевого фасада успешного управленца и взрослых ролей. Просто любимый сын, внук, наследник.

В этом доме меня научили главному: быть человеком слова, ценить честный труд, находить покой в простых вещах и понимать, что настоящее богатство измеряется не цифрами на счету, а спокойной совестью и крепостью семейных уз. Я рос, наблюдая за отцом, чьим упорством и смекалкой был построен бизнес, и за мамой, которая с безграничным терпением и теплом скрепляла этот бизнес и нашу семью в единое целое. Их союз был для меня не недостижимым идеалом из кино, а живой, дышащей реальностью, единствен-

но верной моделью. Когда я видел, как они переглядываются через стол, как отец машинально поправляет маме прядь волос, меня охватывало чувство тихой, светлой зависти. Каким удалось за три десятилетия выстроить эту тихую, непоколебимую гавань, где двое стали одним целым? Я отчаянно хотел такого же. И почти полгода я искренне, с открытым сердцем, пытался строить отношения с Кристиной, лелея надежду, что именно они могут привести меня к подобному счастью.

— О, сын, привет! — радостно, по-домашнему громко встретил меня отец, распахивая дверь.

— Здравствуй, сынок! — из-за его широкой спины тут же появилась мама. Ее глаза сияли тем особенным светом, который зажигался только тогда, когда я приезжал.

— Доброе утро, родители, — сказал я, не скрывая улыбки. — Скучали?

Мама, не дав мне даже войти, взъерошила мои волосы, словно перед ней стоял все тот же пятнадцатилетний сорванец, и звонко поцеловала в щеку.

— Конечно, скучали! Я напекла твоих любимых тонких блинчиков и даже малиновое варенье достала.

— Однозначно, лучшее начало выходных! — заявил я без капли иронии. — А бабуля с дедушкой еще в санатории?

— Да, представляешь, продлили путевку еще на неделю! — мама заговорщически улыбнулась. — Бабуля там папу на какой-то новомодный массаж записала, и он ворчал, но со-

гласился остаться. Говорит, сил у нее хоть отбавляй.

Дедушка с бабушкой, родители отца, переехали сюда несколько лет назад. Их решение совпало с моим отъездом — так большой дом не пустовал, а родителям было веселее. Бабуля, несмотря на почтенный возраст, оставалась неиссякаемым источником энергии. Дедушка, всегда более сдержанный и флегматичный, целыми днями с упоением что-то мастерил в своей мастерской или читал газеты в кресле у камина, но против напористого обаяния бабушки устоять не мог никогда.

А вот чего мне действительно не хватает в моей квартире — так это вкусной домашней еды. В обычные дни я питаюсь в кафешках или заказываю доставку. Готовить самому некогда, да и не особо хочется. Я уже подумывал нанять повара на пару дней в неделю — иначе так и до гастрита недалеко, особенно с моим графиком и диким аппетитом после тренировок.

— Мам, а ты... ты мне в контейнер отложишь блинчиков? — спросил я, изображая на лице самое щенячье выражение, какое только мог.

Родители расхохотались во весь голос, и я не смог сдержаться и присоединился к ним.

— Я уже тебе собрала, — с теплой улыбкой произнесла мама. — И варенье отдельно в маленькой баночке, чтобы не разлилось.

Мы неспешно завтракали, болтали о пустяках, смеялись

над старыми семейными историями, и вдруг я заметил, как родители переглянулись. Я знал эти взгляды — они говорили без слов, и этот немой диалог длился уже тридцать лет. Они явно что-то затеяли.

— Ну, признавайтесь, о чем хотите поговорить? Только сразу предупреждаю: мне прекрасно живется в своем логове, со здоровьем полный порядок, в зал хожу, на работе все стабильно, и да, внуков в обозримой перспективе я вам пока не обещаю.

Мама, притворно возмущившись, легонько заехала мне по затылку, и все вместе мы снова громко рассмеялись. Эти наши шуточные ритуалы были такой же неотъемлемой частью утра, как и ароматный чай.

— Шутки шутками, Марк, а серьезный разговор действительно есть, — уже более собранным, мягким тоном произнесла мама, разливая по кружкам свежезаваренный чай.

— Макаровы, наши соседи, наконец-то решили перебраться в Москву к дочери, — начал отец своим спокойным, взвешенным тоном, который он обычно использовал на деловых совещаниях. — Участок свой выставляют на продажу. Как думаешь, стоит нам его присмотреть?

Я поморщился.

— А зачем вам еще один участок? И так территория огромная.

— Это не для нас, сынок, — ласково ответила мама, положив руку на мою.

— Ты же не всегда собираешься быть холостяком? — плавно подхватил отец. — Появится семья, дети. Им нужен будет свежий воздух, пространство, чтобы бегать, свой уголок природы. Не будете же вы вечно жить на тридцатом этаже, дыша кондиционированным воздухом. — Он сделал многозначительную паузу, давая словам улечься. — Мы прекрасно понимаем и уважаем твою независимость. И даже думать не смеем, что вы станете ютиться с нами под одной крышей. Но стать соседями в будущем... Согласись, идея имеет право на жизнь. Что скажешь?

Их слова, произнесенные так просто и искренне, попали точно в цель, в ту самую точку тихого, подспудного беспокойства, которое я привык заглушать работой, тренировками, любимыми «важными» делами. Они смотрели на двадцать шагов вперед, строили планы, верили в продолжение. А я... Мне было двадцать семь лет. Я управлял солидной долей в строительном бизнесе отца, имел за плечами два красных диплома — инженера и программиста — и стабильный доход, который позволял не задумываться о ценах в меню. Но все это порой казалось каким-то автоматическим, красиво отлаженной программой под названием «успешная жизнь», где я забывал спросить себя: «А ради чего все это?»

Их идея с участком была здравая, теплая, семейная. Но она выглядела утопичной для моего нынешнего жизненного формата. Формата, в котором, хоть и была спутница, но никогда не вызывалась составить мне компанию в этих поезд-

ках к родителям. Кристина пару раз приезжала сюда, я знакомил ее с родными. Все прошло мило, но после она сказала: «Загородная жизнь — это, конечно, мило, но не для меня. Я создана для ритма большого города». При этом она обожала модные глэмпинги, эко-отели и фотосессии на фоне природы — но лишь как красивый временный аттракцион. Постоянство и тишина семейного гнезда ее, видимо, пугали. Это противоречие всегда заставляло меня внутренне морщиться.

— Спасибо вам, — сказал я искренне, глядя то на маму, то на отца. — Правда, спасибо, что думаете обо мне, о моем... нашем возможном будущем. Идея, в принципе, отличная. Но мне нужно время, чтобы ее обдумать, прочувствовать. Это ведь вложение не только финансовое, но и очень эмоциональное.

— Мы так и предполагали, — согласно кивнул отец. — Никто не торопит. Думаю, месяца два на раздумья у тебя есть, пока они там со сборами. И в случае, если ты эмоционально захочешь вложиться, то мы поможем сделать финансовый взнос.

Пока мама с воодушевлением рассказывала о своих успехах в освоении нового узора крючком и о поисках рецепта идеального рождественского штоллена, мое сознание упрямо возвращалось к нашим с Кристиной отношениям. Уже полгода, как мы были вместе. Начиналось все более чем идеально: легко, страстно, взаимно, без тяжеловесных обязательств. Ее яркую, почти вызывающую уверенность в себе,

энергию, с которой она брала от жизни все, и прямоту, граничащую порой с бестактностью, я тогда находил пикантными и привлекательными. Она была другим, непривычным миром, и это манило.

Я никогда не скупился на нее — баловал вниманием, неожиданными подарками, путешествиями, в том числе и за город. Она их обожала. Для меня это было естественным проявлением заботы, жестом джентльмена. Если она просила помочь выбрать технику или аксессуар, я с готовностью соглашался, проводил с ней время в магазинах, и обычно в итоге просто оплачивал покупку — для меня это не составляло ни малейшего труда, это было мелочью, знаком внимания. Я не чувствовал себя использованным, мне нравилось ее радовать. Но постепенно что-то стало меняться.

Чем дольше мы были вместе, тем чаще и острее стали проявляться ее другие стороны: беспричинная, почти истеричная ревность к коллегам, о существовании которых она лишь догадывалась; капризы и перепады настроения, которые я поначалу списывал на усталость или стресс; и та самая растущая как на дрожжах уверенность, что все мои планы, время и внимание по умолчанию должны корректироваться под ее желания. Она все чаще и настойчивее давала понять, что наши выходные должны проводиться исключительно вдвоем, и с обидой, плохо скрываемой под маской равнодушия, воспринимала мои регулярные визиты к родителям. Я старался мягко объяснить, что в жизни должен быть баланс, что семья

— это отдельная, глубокая и важная часть меня, не конкурирующая с ней, а существующая параллельно. Но мои слова, казалось, разбивались о глухую стену ее непонимания.

Так что же я получал от этих отношений сейчас? Бесспорно, физическую близость — Кристина была прекрасной увлеченной партнершей, знавшей мои предпочтения. Но той самой эмоциональной близости, того чувства тихой, надежной гавани, спокойного счастья, которое я видел у родителей, не было и в помине. Вместо этого — постоянное ощущение хождения по минному полю, где любое неверное слово могло вызвать бурю, собственнические замашки, вечное недовольство и утомительные сцены. Меня начало это тяготить, гнестить. Я по натуре человек терпеливый, и мое воспитание не позволяло просто взять и грубо оборвать отношения, не исчерпав все возможности к их сохранению, поэтому я часто шел по пути наименьшего сопротивления: очередная вспышка недовольства — очередной подарок, сюрприз и сглаживание углов. Это работало как временное плацебо, умиряя ее нрав на день-два и давая мне иллюзию контроля над ситуацией.

Но где-то в глубине души я прекрасно понимал: это тупиковый путь. Это дорога в никуда. Я все еще не хотел рвать здесь и сейчас — оставалась инерция, привычка, да и память о тех хороших моментах, с которых все начиналось. Но все чаще я ловил себя на холодной, пугающей мысли: я не могу представить ее в своем будущем, таком, каким его видел я.

Мы не жили вместе, и, что важнее, я не чувствовал того самого внутреннего комфорта, покоя и полного принятия, которые, как мне казалось, и должны быть фундаментом для семьи.

Мои размышления прервал настойчивый звонок телефона. Кристина.

— Мам, я сейчас, — сказал я и вышел на просторную, залитую солнцем террасу.

Разговор был коротким и деловым. Она интересовалась, во сколько мы встретимся.

— Слушай, наушники сегодня окончательно меня расстроили, — сказала она без предисловий. — Ты же разбираешься. Поможешь выбрать новые?

— Конечно, помогу, — автоматически ответил я.

В трубке послышался довольный смешок, и она тут же принялась строить планы на вечер после шопинга. Я положил трубку с тяжелым, каменным чувством в груди. У меня не было ни малейшего желания ехать в этот торговый центр, тратить время на выбор аксессуара, который ей, вероятно, был не особо нужен. Но я свои обещания держу, и как бы мне ни хотелось еще немного побыть с родными, я выдвинулся в сторону города.

Дорога назад всегда казалась короче, но сегодня она тянулась мучительно долго. Ясность, обретенная за родительским столом, медленно таяла, замещаемая знакомым чувством долга и надвигающейся неизбежности.

Кристина уже ждала у парадного входа, демонстративно разглядывая свои безупречные ногти и ловя на себе восхищенные взгляды прохожих. Она была красива, ухожена, одета безупречно, что подчеркивало ее вкус — живая картинка из глянца. Но внутри у меня, глядя на нее, не засветилась теплая искорка, которая пылала раньше.

— Привет, котик, — произнесла она своим слащавым, игривым голосом, который когда-то казался мне дерзким и пикантным.

— Я тебя миллион раз просил не называть меня так, — с неподдельным, сквозящим в каждом слове раздражением бросил я ей в ответ.

— Ой, ладно, ладно, прости, забыла, — она махнула рукой, будто отмахиваясь от надоедливой мошки. — Ты в курсе, новая модель айфона вышла? Я фотки видела — дизайн просто бомба!

— Конечно, в курсе. Ты мне об этом сообщала вчера, помнишь? — сухо парировал я. — Давай сегодня сосредоточимся на наушниках, пойдем. — Я приобнял ее за талию.

Мы вошли в прохладный, пропитанный запахом нового пластика и парфюмерных пробников просторный зал магазина. Консультант, уловив наш «статус», мгновенно нашел нужную модель — премиальные, беспроводные, последней версии. Через пять минут мы уже стояли у кассы. Очередь была крошечной — всего одна девушка перед нами. Но для Кристины и эта минута ожидания показалась неповозмо-

тельной.

— Ну, и сколько тут можно торчать, в самом деле? — громко, на весь зал проворчала она, раздраженно взмахивая рукой. — Душно уже! И я есть хочу, а не стоять тут целый день!

Я молча закатил глаза, чувствуя, как по спине ползет знакомый холодок стыда. Она никогда не отличалась терпением, но сегодня ее тон был особенно ядовит.

Девушка перед нами что-то нервно нажимала на экран своего телефона, а затем начала лихорадочно рыться в сумке, видимо, в поисках наличных. И в этот момент Кристина, не придумав ничего лучше, выпалила громко, с ледяным брезгливым презрением в голосе:

— Как таких нищенок вообще пускают в приличные магазины? Стоит, клушей, копается в своем хламе!

В воздухе повисла звонкая, позорная тишина. У меня в висках застучало.

— Кристина, немедленно замолчи! Это неприлично! — резко, сквозь зубы, прошипел я, чувствуя, как по лицу разливается жгучая волна стыда, а внутри все сжимается от ярости. Это был уже не просто каприз. Это было жестокое публичное унижение незнакомого человека. Вся система ценностей, заложенная родителями — об уважении к чужому достоинству, о такте, о простой человеческой деликатности — взвыла во мне от негодования и боли. Какого черта я вообще оказался здесь, в этом магазине, рядом с этой хамкой?

Девушка обернулась. В ее широко распахнутых, невероятно голубых глазах читалось шокирующее непонимание и чистый, животный испуг. Она замерла.

— Чего уставилась? — еще раз, с нарастающей злобой, бросила ей Кристина, будто добивая. — Денег нет — проваливай!

В этот момент меня накрыла волна такой бешеной, кипящей ярости, что я впервые в жизни физически ощутил желание применить силу, чтобы остановить этот позор. Схватить ее за руку, зажать рот, вытащить вон.

— Кристина! — мой голос прозвучал тихо, но с такой ледяной, не оставляющей сомнений угрозой, что она на мгновение осеклась. — Держи ключи от машины. И жди меня там. Сейчас же. Поняла?

Она что-то невнятно пробормотала, с вызовом выхватила ключи и, проходя мимо, нарочито грубо толкнула плечом ту самую девушку, чуть не сбив ее с ног.

«Всё. Конец. Абсолютный, беспросветный тупик», — пронеслось у меня в голове. Больше ни одной минуты. Эти отношения умерли прямо здесь. Раздражение и гнев просто захлестнули меня. Я в принципе здравомыслящий человек, к тому же публичный, а эта ситуация перешла уже все границы норм.

Тяжело вздохнув, я опустил взгляд и увидел на полу рядом со своей ногой простые проводные наушники с ярко-розовым проводом. Та девушка, должно быть, их обронила в

панике. «Так, — мозг мгновенно переключился в режим решения проблемы, в ту самую привычную колею «загладить, исправить, компенсировать». — Надо ее догнать и вернуть. Это единственное, что я сейчас могу сделать, чтобы хоть как-то отмыться от этой мерзости. Хотя бы в своих глазах».

— Пробеите, пожалуйста, вот это, — быстро сказал я консультанту, указывая на тот самый подзарядник, который девушка так и не смогла купить.

— Наушники брать будете? — спросил консультант.

— Нет, — резко ответил я. Сейчас было не до них.

Консультант, видевший всю сцену, все понял без слов и кивнул, стараясь не встречаться со мной взглядом. Через минуту с небольшой коробкой в руке я выбежал в шумный, наполненный людьми холл торгового центра. Озираясь, я быстро нашел ее — она сидела на одной из металлических лавочек в центре зала, сгорбившись, с безнадежно опущенной головой. По мелко вздрагивающим плечам было ясно — она плачет, стараясь делать это бесшумно.

Я медленно подошел ближе, стараясь не испугать.

— Простите... Это ваше? — тихим, как только мог, голосом спросил я.

Она не отреагировала, будто не услышала или не поняла, что обращаются к ней.

— Девушка, простите, — я повторил чуть громче, но все так же осторожно. — Это ваше?

Она вздрогнула, вытерла слезы и подняла на меня взгляд.

На меня посмотрели два озера — голубых, невероятной чистоты и глубины. В них не было ни капли жеманства, только искреннее смятение.

— Да... мое, — она встала и взяла наушники. — Должно быть, выпали, когда я в сумке копала... Спасибо вам. — Произнеся это, она быстро развернулась и почти побежала к выходу.

Я на секунду оторопел от такой стремительности, а потом, повинувшись внутреннему импульсу, поспешил за ней.

— Возьмите, — сказал я, догнав ее уже у самых стеклянных дверей.

Она обернулась, и на меня снова глянули те голубые глаза, но теперь в них читалось уже не смятение, а холодное, нескрываемое презрение. Мне стало не по себе.

— Вы за кого меня принимаете? — отрезала она негодующим, дрожащим от обиды тоном. — Мне не нужна ваша благотворительность!

— Я приношу свои извинения за... за ту девушку, — сказал я как можно более ровно и спокойно, стараясь заглушить собственное смятение. — Она не имела права так с вами разговаривать.

— Это ничего не меняет! — ее голос окреп. — Я не возьму эту вещь.

— Но она мне тоже не нужна, — развел я руками, чувствуя всю абсурдность ситуации.

— Зачем вы ее тогда купили? — спросила она с искрен-

ним недоумением и обидой.

— Для вас, — выдохнул я, вкладывая в эти два слова все оставшееся спокойствие и искренность.

Казалось, эта сюрреалистичная перепалка могла продолжаться вечно. Но тут девушка сделала то, чего я никак не ожидал. Легким уверенным движением она достала из сумки деньги и протянула их мне.

— Возьмите.

Я на мгновение опешил, полностью сбитый с толку.

— Что это? — с искренним изумлением спросил я, невольно вглядываясь в ее лицо.

— Деньги, — ее слово произвело на меня отрезвляющий эффект, и я вернулся к реальности. Девушка хочет вернуть мне деньги за мелочную покупку? Это что-то новенькое.

— Но... мне не нужны ваши деньги, — смущенно парировал я. За время наших отношений с Крис я потратил столько, что эти полторы тысячи были сущей мелочью. И я действовал из добрых побуждений.

— Тогда и мне не нужна ваша подзарядка, — отчеканила она. Казалось, она вот-вот скрестит руки на груди в немой, гордой позе. Но вместо этого она просто развернулась и, не сказав больше ни слова, пошла прочь, растворившись в потоке людей у выхода.

Я замер на месте, будто время вокруг меня замедлило ход. Ощущение было странным и непривычным — как будто я, уверенный в своих правилах игры, только что получил жест-

кий урок по другим, неизвестным мне правилам. В мире, где я привык платить, чтобы откупиться от проблем и даже от чувств, её «нет» прозвучало как отрезвляющая пощечина.

Глава 5

Марк

В машину я вернулся с ощущением, будто только что разгребал руками горячий пепел. Злость уже переплавилась во что-то тяжелое и холодное — стыд и полнейшую, оглушающую ясность. «Вот и сказочке конец», — прокомментировал про себя мозг сухим, отчетливым голосом. Адреналин все еще отдавал в висках тупой болью. Кристина сидела, развалившись на пассажирском сиденье, и яростно стучала длинным, идеально покрытым гель-лаком ногтем по экрану телефона, ее губы были поджаты в тонкую, недовольную ниточку.

— Ну, что ты там так долго копался? — она даже не взглянула на меня, протягивая руку ладонью вверх в требовательном жесте. — Давай скорее наушники, сторис как раз засниму.

Я сел за руль, положил коробку с подзарядником на центральную консоль и завел мотор. В салоне повисло тяжелое наэлектризованное молчание.

— Это что? — наконец она подняла глаза и ткнула заостренным ногтем в коробку. — Где наушники? Ты что, купил какую-то дешевку вместо них?

Я повернулся к ней, облокотившись на руль.

— Крис, — начал я, и мой голос прозвучал на удивление спокойно, почти устало. — Давай без этого. Давай как взрослые люди. Ответь мне на один простой вопрос: что сейчас произошло в магазине?

Она фыркнула, театрально откинувшись на спинку кресла и скрестив руки на груди.

— Ой, да брось ты, Марк. Какая-то замарашка пришла без денег, задержала всех, я высказалась. Сказала, как есть. Ну и что? Ты из-за этого трагедию разводить будешь?

— Ты серьезно сейчас? — мои пальцы так и не разжали руль, будто я все еще пытался удержать контроль над ситуацией, которая давно его лишилась.

— А что такого? Что не так? — она смотрела на меня с наигранным непониманием, изображая невинную овечку, но в уголках ее губ я уловил знакомую надменную искорку.

— «Что такого?» Как можно вести себя настолько мерзко и по-хамски в общественном месте? Кристина. Это уровень. Ты поняла? Это вопрос базового человеческого уровня! Мне стремно, что я находился рядом с тобой в этот момент!

— Ты сам все видел, я просто указала ей на ее место, — она буквально выплевывала эти слова, каждое из которых было маленьким гвоздем, забиваемым в крышку гроба наших отношений.

— А кто тебе дал такое право кому-то на что-то указывать и высказываться? Ты опозорила меня, ты опозорила себя!

Это хамство чистой воды, и мне противно от этого.

— А с каких пор ты защищаешь какую-то постороннюю девку? Я твоя девушка в конце концов! Я – твой выбор. Или ты хочешь сказать, что не уважаешь свой выбор? Хочешь сказать, что какая-то девка тебе дороже, чем я? Ну скажи же! Да тебе должно быть плевать на них на всех! Ты должен был поддержать меня! А ты говоришь, что тебе от МЕНЯ противно?! — у Кристины начиналась истерика, она чуть ли не плакала, но это были слезы злости и уязвленного самолюбия, а не раскаяния.

Я был в шоке от таких претензий. Она жила в своей извращенной реальности, где деньги и статус давали право на унижение других. И самое страшное, что я так долго позволял этому миру существовать рядом с собой.

— Ты права в одном, — тихо, но так, чтобы каждое слово прозвучало доходчиво, сказал я. — Ты действительно была моим выбором. Долгое время. И в этом, как я теперь понимаю, была моя главная ошибка. У нас с тобой разные взгляды на фундаментальные вещи. На человеческое достоинство, на порядочность. Наши отношения себя изжили, и я больше не хочу их продолжать. — Я старался говорить максимально сдержанно и холодно, чтобы ясно дать понять суть происходящего.

Она замерла, лицо побледнело.

— Что? Что ты сказал? Ты... ты меня бросаешь? Seriously? Из-за какой-то нелепой ситуации?

— Дело не в ситуации. Дело в системе ценностей, Крис. Она у нас не совпадает. В корне. И если это продолжится, то все равно ничего не изменится. Поэтому нам не по пути.

— А с кем тебе по пути? Хочешь сказать, что предпочел бы ту девку мне?

— О чем ты вообще, Кристина?! — мой голос сорвался, и я на секунду сжал переносицу, пытаюсь собраться. — Успокойся. Давай, я закажу тебе такси до дома или могу довезти.

— Что? Такси??? Ты серьезно?

— Я более, чем серьезно. Тебе нужно успокоиться и о многом подумать.

— Мне нужно подумать?! Серьезно? Ты пришел, и ни с того ни с сего говоришь, что нашим отношениям конец. И мне еще предлагаешь подумать?

— Да, ты все правильно поняла, — я не знал, что ответить ей еще.

— Но Марк! Нам же хорошо вместе! А ты вот так просто хочешь все перечеркнуть? — она попыталась взять жалостливой ноткой, быстро перестроившись с агрессии на манипуляцию.

— Хорошо — это когда не стыдно за себя и за того, кто рядом.

— Ты можешь мне сказать, в чем конкретно проблема? Ну, хочешь, я извинюсь перед той девкой? Или что мне надо сделать, скажи? Я сделаю все.

— Проблема не в одном поступке, Крис. Проблема в том,

кто ты есть. И кто я рядом с тобой. Я тебе уже дал исчерпывающее объяснение. Мне добавить нечего.

— Прекрасно. Ясно. Это тебе надо подумать, ты ведешь себя как неудачник! Сам еще пожалеешь о своем решении! — она посмотрела на меня презрительным взглядом и вышла из машины, естественно, хлопнув дверью.

Тишина, которая воцарилась после, была... просторной. Будто в мою жизнь снова впустили воздух. Почему я не поставил точку месяц назад, когда она устроила сцену официанту из-за недолитого бокала? Или две недели назад, когда она закатила скандал в офисе, потому что приревновала к подчиненной? Идиот. Я столько времени игнорировал очевидное, списывая ее выходки на «сложный характер».

Я сидел, прислушиваясь к ровному гулу мотора на холодных, и ловил странное чувство — будто из меня вынули огромную занозу, с которой я жил так долго, что перестал замечать саму боль. Метафора так себе, но другого слова не подберешь.

Сидеть здесь и дальше разбираться в этих чувствах было бесполезно. Мозг требовал действия. Лучший способ привести в порядок хаос в голове — загрузить тело по полной. Я рванул в спортзал.

Субботний день делал его почти безлюдным царством металла, пота и тяжелого дыхания. Здесь не было места эмоциям или двойным смыслам. Только механика. Только вес. Только счет повторений и жжение в мышцах. Я выкладывал-

ся на пределе, заставляя мышцы спины, плеч, ног гореть, а легкие — рваться на части. Я методично, повторение за повторением, возвращал себе контроль — сначала над телом, потом, как я надеялся, над собственными мыслями.

После полутора часов изматывающей работы тело гудело приятной, здоровой усталостью, а сознание прояснилось, как небо после сильной грозы. Мысли встали на свои места, острые углы сгладились. Я принял длинный, почти медитативный душ, переоделся в чистую, мягкую одежду и... почувствовал, что ехать сейчас в квартиру — худшая из идей. Нужна смена декораций.

Достал телефон, написал в общий чат с пацанами, не изменились ли их планы на выходные. Они звали меня в баню, но я отказался, по понятным причинам.

Через 20 секунд мне уже перезвонил Андрей.

— Привет. Ты где? Точно не бредишь? Ты, вроде, занят был в выходные, — моментально спросил он.

— Планы поменялись. Я свободен.

— Мы не бронировали ничего, ты же сказал, что занят будешь.

— Желание есть еще? Сейчас быстро все организуем.

— Еще спрашиваешь! 100 лет не собирались уже, только по работе и встречаемся.

— Понял. Я тогда бронирую место, а ты с Матвеем порешай.

Я открыл приложение для бронирования и за пять минут

нашел свободный коттедж за городом — с баней, бассейном и мангальной зоной. Идеальный вариант.

Через час мы мчали по трассе. Я был за рулем, Андрей — рядом, Матвей сзади разбирал купленные снеки и уже хотел вскрыть чипсы, за что я бросил на него убийственный взгляд в зеркало заднего вида.

— Эй, не психуй, я аккуратно! — зашипел он, но пакет все же отложил. Они прекрасно знали мою манию чистоты в машине, но проверяли границы с завидным постоянством, как и положено друзьям со школьной скамьи.

— Так, лаконичность — это хорошо, — начал Матвей, — но мы — народ простой, нам нужны детали. С чего начался апокалипсис? Она опять сравнивала тебя с олигархом своей подруги?

— Хуже, — сказал я. — Публичная порка незнакомой девушки у кассы. Кристина устроила шоу с моралью про нищобродов и все в этом духе.

— И что, сразу порвал после этого? Она никогда скромностью не отличалась, сколько я ее видел, — спросил Матвей.

— Нет. Сначала я хотел поговорить. И когда я спросил, в чем проблема с ее точки зрения, она искренне не поняла. Сидела и смотрела на меня, как будто я спрашиваю, почему трава зеленая. Она искренне считает, что вообще нет никаких проблем.

— Классика, — хмыкнул Андрей. — «Я не делала ничего плохого, я просто говорила правду». Базовый сценарий.

— В общем, да. А когда я сказал, что нам пора расставаться, она закатила истерику и попыталась обвинить меня, что я ее не поддерживаю. Ну а сколько я еще должен это все поддерживать? Подобные ситуации уже были, только не в таком проявлении. Первые два месяца отношений она не была такой... Видимо, старалась держать себя в руках, а в последнее время расслабилась.

— Логика железная, — рассмеялся Матвей. — «Если ты не со мной, значит, ты со всей этой серой массой, которую я презираю». Здоровое мировоззрение.

— И, да, в финале прозвучали традиционные «неудачник» и «пожалеешь». Стандартный набор.

— Смешно. О чем ты должен пожалеть? — Матвей чуть не расхохотался.

— Ты вообще не выглядишь печальным. Мне кажется, ты рад, — философски заметил Андрей.

— Самое печальное в этой ситуации – это мое потраченное время. А в целом, я рад, что так все разрешилось. Бесценный опыт, урок и так далее.

— За это надо будет выпить! — почти хором крикнули они.

— План на вечер именно такой, — я свернул на грунтовку, ведущую к коттеджам. — Шашлык, баня, бассейн. И никаких разговоров о бывших.

— Согласен насчет бывших, — подхватил Матвей. — А что насчет... будущих? Девчонок не позовем? Развеять тос-

ку, так сказать?

— Нее, — одновременно и твердо ответили мы с Андреем. — Сегодня только мужики. Полная детоксикация.

— Ну вы и скучные, — вздохнул Матвей. — Только потому не нойте, что вода в бассейне холодная, потому что я намерен вас окунуть в него по полной, раз девчонок не зовем.

Коттедж оказался даже лучше, чем на фото. Просторный, с панорамными окнами, выходом на террасу и уже готовым мангалом и баней. Пока Андрей и Матвей разгружали провизию, я занялся охлаждением напитков. Телефон в кармане дёргался раз пять — Кристина. Я убрал звук и перевернул его экраном вниз на столе.

Ужин был громким и душевным. Я вкратце повторил историю, уже с иронией. Андрей поднял банку пива: «За то, чтобы в твоей жизни было меньше токсичных людей и больше нормального мяса!»

Но настоящая терапия началась позже. Баня, раскаленная до немислимых температур, ждала нас. Мы уже изрядно пропарились, облившись потом и несколькими кружками холодного пива для контраста. Распаренные, расслабленные, довольные.

— Вот скажите мне, — развел руками Матвей, явно навеселе. — Из-за чего вообще весь сыр-бор? Из-за бабы. Вечная история. Я, например, категорически против серьезных отношений. Свобода, ребята! Никаких сцен в магазинах, никаких притязаний на твою личность.

— Поддерживаю, — кивнул Андрей, ополаскивая лицо прохладной водой. — Зачем менять уютный хаос на чужой тоталитарный режим? Одна проверка телефона чего стоит. Нет уж, я пас.

— Вот именно! — оживился Матвей. — А все почему? Да потому что мы, мужики, простые существа. Нам бы поесть, поспать, ну и... чтобы самооценка не падала. Кстати, о самооценке... — он хитро прищурился. — Помните, в девятом, в школьном бассейне, мы мерялись, у кого круче? Давайте реванш? Только честно!

Андрей фыркнул, я просто закатил глаза, но через минуту мы, три взрослых мужчины, поддавшись глупому, пьяному азарту, устроили в предбаннике идиотский «смотр хозяйства» с дурацкими комментариями. Мы ржали до слез, до боли в животе.

И потом по традиции началась битва вениками. Мы с азартом начали хлестать друг друга дубовыми вениками, поддавая пар, орали от жара и восторга, как мальчишки. Матвей пытался парировать, как мушкетер, Андрей делал вид, что отбивается научно, а я просто получал удовольствие от этой дурацкой, животной разрядки. Кожа горела, легкие наполнялись хлебным запахом дуба, а из головы наконец-то выветрились последние остатки скверного дня.

— Сдаюсь! Сдаюсь! — закричал первым Матвей, выскакивая в предбанник. — Вы оба — садисты! Я — нежный! Мне нужен компот и бассейн!

И вот он, долгожданный контраст — прыжок в прохладный бассейн под ночным небом с дикими воплями.

— Я как ихтиандр! Смотри! — орал Матвей, пытаюсь плыть под водой брассом, будучи больше похожим на тонущего бобра.

— Да ихтиандр от зависти сдох бы, глядя на твою технику! — парировал Андрей, просто перекатываясь по воде, как морж.

Мы устроили заплыв на скорость, потом — соревнование по дальности полета брызг, а под конец просто легли на воду, глядя на звезды...

— Знаешь, что самое классное после расставания? — спросил Матвей, лениво болтая ногами.

— Что?

— Можно оставить носки на полу. И они никому не будут мешать. Я проверял.

— Да ты гений бытовой философии, — заявил Андрей.

Мы ржали как типичные подростки, которые впервые выбрались покуролесить без предков. Болтали о ерунде, вспоминали старые проделки, строили планы на рыбалку, которой никогда не будет. Никаких нравоучений, никаких распросов. Просто — своя компания. Я поймал себя на мысли, что так легко мне давно не было.